

Прекрасные художества

рассказ

Евгений ПАВЛОВ

г. Киров (Вятка)

Ромка сидел на подоконнике, прижав лоб к прохладному стеклу, и любовался природными акварелями. Из окна их однушки с высоты девятого этажа город казался россыпью небольших серых островов в цветном море листвы. Ромке всегда казалась удивительной смена времён года. Но переход лета в осень он любил больше всего: нежная прозрачность августа плавно перетекала в прохладное терпкое разноцветье сентября. А с тех пор, как родители отдали его в изостудию, наступающая осень заиграла для Ромки новыми смыслами и красками. Осень стала для него не просто красивой, а ещё и колоритной, с яркими цветами и глубокими оттенками. И уже не просто листья трепетали на ветру, а невидимый миру художник лёгкими мазками волшебной кисти передавал переливы тонов и настроений. Уже не просто текло вдоль улицы дорожное полотно, но уходило вдаль, в перспективу, в лёгкий осенний туман, обещая тайну там, за поворотом.

Мир для Ромки стал объёмным, трёхмерным, расширился во все стороны, заиграл по-новому. И если раньше, в детстве — а Ромке уже исполнилось тринадцать, — он бегал по улице и не замечал ничего вокруг, то сейчас, идя куда-нибудь, порой внезапно останавливался и вглядывался в открывшийся взору пейзаж как в нечто необыкновенное. Глазам его открывались чудеса мира.

Тем более усилилось это чувство, когда на день рождения бабушка вместе с мамой подарили ему книгу о мировой живописи. Ромка мог часами лежать на диване, с благоговением перелистывая иллюстрированные страницы энциклопедии, и с придыха-

нием повторять великие имена — Рембрандт, Рафаэль, Веласкес, Васнецов, Левитан, Дали... Последнего он особенно любил за фантастические таинственные образы, словно извлечённые из снов. И хотя Ромка мало ещё понимал в этом удивительном искусстве, но уже ласкали его душу высокой музыкой слова «Возрождение», «романтизм», «сюрреализм». Такой сказочной, далёкой и непостижимой казалась эта магическая страна — Живопись.

А в обычной жизни... В ней всё было достаточно скучно и серо. Ромка ходил в самую обыкновенную школу. Учился, пожалуй, неплохо, но ему не особо нравились точные науки. Они казались сухими и чересчур сложными, а может, взрослые, которые вели эти предметы, сами были такими. Интересны для Ромки были лишь история и литература и, конечно же, рисование — вот где фантазии можно было разгуляться. На других предметах он предпочитал чаще рассматривать мир за окном, чем написанное учителем на доске. Душу его манило иное.

Сидя на подоконнике и глядя в окно, Ромка краем уха улавливал звуковую жизнь квартиры. В кровати гулила занятая своими делами годовалая сестрёнка. На кухне лязгали ложки-поварёшки.

«...Продолжается следствие по делу ГКЧП... Михаил Сергеевич Горбачёв...» — раздавалось из старенького чёрно-белого «Ориона».

— ...И куда всё катится? — услышал Ромка мамин голос. Он обернулся: мать стояла в дверном проёме, держа в руках ложку, с кухонным полотенцем через плечо. — Нормально жить народу не дают.

— Стабильности нет, — отозвался отец. Он полулежал на диване, одним глазом посматривая в телевизор, другим — в развёрнутую газету. — М-дя... — добавил он неоднозначно. — Похоже, подвигают всё же Мишку Меченого...

— Сходи хоть в магазин, — раздражённо сказала мать. — Выходной, а на обед почти нет ничего.

— Могу я в свой выходной хотя бы отдохнуть?! — заворчал отец. — Вкалываешь всю неделю как собака, а потом — туда сходи, сюда сходи. Вон Ромку пошли.

— Ему на ИЗО надо идти! — огрызнулась она. — А ты прям упахался, добытчик! Как будто горы золотые зарабатываешь! А ты чего сидишь? — Это уже Ромке. — Давай за стол — завтракать и собираться. Давай, давай!

Отец, кряхтя и ругаясь под нос, стал подниматься с дивана, а Ромка соскользнул с подоконника и поспешил в кухню, откуда уже пахло гречкой на молоке.

Сегодня суббота. Занятия не вечером, как в середине недели, а с утра, поэтому надо торопиться. Опаздывать Ромка не хотел, да и не любил. Он посмотрел на настенные часы со сломанной кукушкой. Всего лишь через час он снова окунётся в прекрасный мир ИЗО. Ромка жадно откусил жёсткий хрустящий край горбушки и заработал ложкой.

Через пятнадцать минут он шагал по улице, раздвигая ботинками опавшее золото листьев. Нежное и грустное сентябрьское солнце отстранённо играло со светотенью мироздания. Голубело подмороженное небо. Прохладный ветерок маленьким пушистым зверьком норовил забраться за воротник. В руке у Ромки была папка на верёвочных тесёмках: в ней — домашнее задание и чистые листы для занятий. А ещё там карандаши разной твёрдости и — особая Ромкина гордость — пара кисточек из беличьего волоса. Для акварели лучше и не сыскать.

Ромка немного волновался: понравится ли учительнице его домашка — рисунок на вольную тему. Он долго думал, что же ему нарисовать. Сперва хотел изобразить обычный пейзаж — дорогу, уходящую вдаль, скрывающуюся за лесом. Такие пейзажи он часто видел, рассматривая картины мастеров в подаренной энциклопедии. Ему и самому очень нравилась эта тема. Была в этом какая-то тайна и недосказанность, что бередила его душу и пленяла сердце прозрачной, невесомой, не совсем ещё осознаваемой печалью. Но потом он подумал, что многие, должно быть, выберут такой же или похожий пейзаж.

Мысли сами собой перескочили с задания на того, кто это задание дал, — на Александру Викторовну, его учительницу ИЗО. Фамилия

у Александры Викторовны была звучная и красивая — Родина. Хотя с некоторым внутренним смущением, мысленно Ромка называл её Сашенькой. Да и какая же Александра Викторовна из этой тоненькой хрупкой девушки с чуть удлинёнными изящными чертами лица и огромными ярко-синими, как весеннее небо, глазами?.. Нет, это именно Сашенька. Так говорил себе Ромка, представляя её образ: тёмные длинные волосы, собранные в тугой волнистый хвост, серая водолазка, строгая прямая юбка с красивым ремнём на тонкой талии, узенькие высокие сапожки, ещё больше подчёркивающие хрупкость фигуры.

И вот этой самой Сашеньке — воплощению земной красоты — нужно было показать сегодня то, что намалевал Ромка дома. Он остановился и приоткрыл папку, чтобы снова посмотреть на своё творение. «Прекрасная Дама!» — пронеслось в его мыслях. А иначе и быть не могло: женское лицо с тонкими чертами лица в обрамлении вьющихся волос смотрело на него огромными таинственными глазами цвета неба. Ромка с минуту постоял, вглядываясь в рисунок, потом, почему-то смутившись, захопнул папку и пошёл дальше.

Из-за ближайшего дома с диким воем вырлил милицейский уазик и промчался мимо Ромки. Тот лишь успел заметить сосредоточенные злые лица милиционеров. Ромка ошарашенно остановился, подождал немного, с тревогой прислушиваясь к удаляющейся сирене, затем пошёл дальше. Не успел он сделать и десяти шагов, как из-за угла дома снова послышались звуки сирены, лязг железа, какие-то крики, топот, мат — и в проёме арки появились милиционеры, ведущие парня и девушку. Руки их были заломлены за спину, у парня сочилась кровь из разбитой губы, под глазом — красное пятно, намечался «фонарь».

— Куда этих экстремистов, Серый? — один из служивых дёрнул парня за вывернутую руку.

Тот застонал и скривился.

— Да, наверно, в ГУВД... Куда ещё?.. — отозвался второй. — Нам ещё в отделе этого гемора не хватало. В ГУВД пусть разбираются.

Они поволокли парня с девушкой к вывернутому из-за угла уазу. Проходя мимо

Ромки, парень вдруг улыбнулся и подмигнул ему подбитым глазом. Ромка смотрел им вслед. Милиционер снова дёрнул парня и, вклеив непечатное слово, зло сказал:

— Ничего, сейчас ребята из управления научат вас родину любить!

Ромка продолжил свой путь. Следуя через узкий проход между двух серых домов, он увидел на стене большую надпись, сделанную красной краской. Надпись кричала: «Смерть прогнившему режиму!» Ещё свежие капли краски, словно кровь, стекали вниз, к тротуару. Ромка невольно залюбовался этим контрастом: оттенки алого через мутно-серый стремились к оттенкам зелёного и жёлтого. Он не понял смысл надписи, но почувствовал в ней нечто тревожное.

Ромке нужно было перейти дорогу. Между ней и крайними домами располагался стихийный рыночек: здесь разнокалиберные бабки торговали кто семечками, кто сигаретами, кто картошкой, кто всем сразу, да ещё и водкой из-под полы. Торговля шла бойко: выходной день. Больше всего народу тёрлось возле прилавка с картошкой. За соседним прилавком мостилась одинокая бабка с ведёрком семечек, а около неё, прямо на земле, полулежал-полусидел оборванный человек.

Его лицо было немьто, жидкая борода спуталась. Руки со вздувшимися венами обессиленно лежали на грязных дырявых штанах. Ботинки стоптаны, с полуоторванными подошвами.

Ромка остановился, разглядывая человека. Тот, почувствовав взгляд, поднял мутные, не выражающие ничего глаза на Ромку. Вдруг сухая рука поднялась, оборванец жестом подозвал Ромку — тот сделал несколько шагов. Рука призывала подойти ещё ближе. Ромка подошёл и наклонился. В нос ему ударил смрадный застойный запах. Так пахло от отца, когда он уходил в запой, и Ромка вынужден был спать с ним вместе, за шкафом, так как другого места не было: однокомнатная квартира, а диван занимали мать с маленькой сестрёнкой. Но от бомжа пахло ещё более сильно и густо.

Ромка заглянул ему в лицо. Губы человека зашевелились, Ромка услышал хриплый шепелест слов:

— Кончаюсь я, парень... Ноги гниют... Давно не...

Человек сглотнул, кадык на его шее дернулся. Взгляд незнакомца упёрся в Ромкину папку. Ромка догадался, чего хочет человек. В кармане у него было яблоко, данное матерью на перекус. Он достал его и протянул бомжу. Тот принял равнодушно, ладонь с яблоком упала на грязную рвань брюк. Но взгляд бомж не сводил с папки. Ромка помедлил, недоумевая, потом раскрыл папку и вытащил своё домашнее задание. Человек невидяще рассматривал рисунок, затем в его взгляде начала проступать мысль и даже какой-то внутренний свет. По крайней мере, так показалось Ромке. Тут сверху, с прилавка, раздался сварливый голос:

— Ишь ты! Худо-о-жник! От слова «худо»! — последовал злобный смешок. — Навырастают вот такие художники, а потом на стенах про власть гадости малюют! Тьфу!

А бомж хрипло и нежно прошептал Ромке:

— Красиво, парень, красиво...

Оставшийся путь Ромка проделал в глубокой задумчивости. Мысли его путались, образы — то вечно усталой матери, то милиционеров, то парня и девушки с заломленными руками, то кровавой надписи, то рынка и умирающего бомжа — сплелись в какой-то странный дымный клубок. И над клубком этим вырисовывалась пока что единственная лишь мысль или даже скорее не вызревшее в мысль ощущение: что-то не так с этим миром.

В таком состоянии он и зашёл в изостудию. Она располагалась на первом этаже бывшей общаги пединститута — высокого серого здания. «Предбанник» подъезда был стеклянный, с двумя дверьми, которые громко хлопали из-за туго натянутых пружин. Преодолев эту Сциллу и Харибду, Ромка поворачивал налево, открывал ещё одну дверь и оказывался в мире «прекрасных искусств». Но произошедшее сегодня накладывало тревожный и горький отпечаток на романтический туман этих «прекрасностей».

Собственно говоря, раньше изостудия была обычным общежитским спортзалом. Затем,

когда общежитие расселили и молодые педагоги разбрелись кто куда, а на их места заселились обычные семьи — мамы, папы, дети, старики — спортзал стал не нужен. Пустовал он недолго, помещение арендовали то одни, то другие; и наконец там обосновалось местное отделение Союза художников. Огромный зал разделили пополам: в одной половине устраивали выставки картин, в основном местных творцов, в другой же было решено устроить школу для юных дарований — изостудию.

Несколько месяцев назад, в мае, на уроке в обычной школе учительница представила классу красивую девушку, это и была Александра Викторовна Родина, которая рассказала о живописи и пригласила учиться рисованию в изостудии. Ромка заморожено слушал её и в тот же день уговорил родителей отдать его в ИЗО. Те согласились, тем более что плата была символической, да и сын-подросток всё же будет при деле, а не станет шататься со всякой шпаной по подъездам. Учебный год в школе закончился, но уроки рисования начались почти сразу же, и Ромка вот уже несколько месяцев постигал азы искусства рисования.

Чтобы пройти в ту половину, где располагалась изостудия, нужно было пересечь сперва «картинную галерею» и нырнуть в незаметную дверь, располагавшуюся среди стендов с картинами. Всё пространство галереи было увешано разнообразными произведениями, и Ромка обычно любил рассматривать их, прежде чем пройти в соседний зал на занятия.

Больше других ему нравились две вещи: на одной, в стиле его любимого Дали, было изображено гигантское яйцо, которое посередине пересекала извивающаяся трещина, вокруг яйца кружили разноцветные ветры, окрашивая его скорлупу в мириады оттенков. Картина называлась «Рождение мира». На другой картине, висевшей в самом углу, был изображён обнажённый человек, сидящий на голой земле; вдалеке, на горизонте, возвышались острые пики гор, над ними в ночной темноте сияла льдистая острая звезда, тянущая колкий луч к землистому лицу человека, искажённому гримасой боли. Картина так и называлась — «Боль».

Ромка опаздывал, так что на этот раз быст-

рым шагом прошёл через галерею, мельком взглянув лишь на картину с землистым голым человеком. Его поразило сходство этого страдающего неизвестного мужчины с тем оборванцем на рынке. И снова Ромкино сердце укололо тревожное предчувствие.

Все дети уже собрались, пора было начинать. Александра Викторовна, улыгнувшись Ромке, поторопила его занять своё место. Ромка сел и огляделся. С десятков мальчиков и девочек. Перед каждым — папка с листами белой бумаги, набор карандашей, ластики, кисточки, баночки с водой. Некоторые, как и Ромка, ходят с июня — с самого начала занятий, кто-то пришёл позже. Лицо одной из девочек было ему незнакомо.

Александра Викторовна начала занятие:

— Ребята, мы с вами уже многому научились за два месяца. Мы знаем, что такое композиция, перспектива, колорит, мы пробовали рисовать в разных техниках: графика, акварель, гуашь. Научились смешивать цвета и передавать настроение цветовой гаммой. А сегодня мы приступим к очень интересной и большой теме — мы будем учиться рисовать человека.

Александра Викторовна сцепила ладони на животе и улыбнулась. Класс загудел в предвкушении.

— Но сперва, — сказала Александра Викторовна, — я хочу представить вам нового ученика, вернее, ученицу. Юля, встань, пожалуйста, и расскажи немного о себе.

Девочка поднялась и медленно, с вызовом оглядела небольшой класс юных художников, словно дав возможность каждому запомнить её получше. Юлины щёки и губы ритмично двигались — она жевала жвачку.

— Ну... это... Меня, кароч, Юля зовут. Фамилия — Каменева, — она снова окинула всех гордым независимым взглядом, — учусь в тридцатой школе, живу в семнадцатом комплексе. Люблю комиксы. И занимаюсь боксом, — тяжело добавила она и села на место.

— Юля из Ливерпуля! — со смешком прошептал на ухо Ромке его одноклассник.

Тот отмахнулся: мол, не мешай.

— Что ж, — Александра Викторовна оглядела

свой класс, — Юле придётся нагонять нас, я ей в этом постараюсь помочь. Ну а сейчас готовим листы, берём карандаши, тема — «Человеческие пропорции»...

Урок плавно потёк — во времени и в пространстве. Иногда класс задумчиво и сосредоточенно замолкал, аккуратно вырисовывая фигурки на листах, и было слышно лишь шуршание карандашей по поверхности бумаги. Иногда тишина прерывалась вопросами и просьбами: «Посмотрите у меня! Правильно?», «А у меня тоже посмотрите!» Осеннее нежно-печальное солнце невесомо вливалось в огромные окна бывшего спортзала и ложилось пластинами света на старые деревянные полы с сохранившимися ещё остатками спортивной разметки. Александра Викторовна подходила к каждому, смотрела из-за спины сверху, что-то подсказывала. Иногда она, наклоняясь, клала ладонь на живот и красиво наклоняла голову вбок. Ромке казалось, что она как будто к чему-то прислушивается. Но к чему же?..

В конце урока Александра Викторовна наконец произнесла долгожданное: «А теперь посмотрим, как вы выполнили домашнее задание». Все сразу зашумели, полезли в свои папки, зашелестели листами. Каждый хотел, чтобы его рисунок оказался лучшим. По очереди Александра Викторовна вызывала учеников, они рассказывали о своём рисунке: как он называется и почему они решили изобразить на бумаге именно это. Ребята показывали пейзажи, цветы, домашних животных... Александра Викторовна хвалила, делала замечания, советовала. И вот наконец дошёл черёд до Ромки. Он, внутренне трепеща, достал своё творение — Прекрасную Даму. Воцарилась тишина. Некоторые девочки восхищённо шептали друг другу: «Какая красивая!» Александра Викторовна, сплетя руки на груди, молча стояла в свете солнца, и золотые пылинки танцевали вальс вокруг её волос. В глазах её читались одновременно удивление, радость, задумчивость.

— Рома, — сказала наконец она, и в её голосе отразилось внутреннее волнение, — мы же только начали изучать, как рисовать человека. Как у тебя получилось? Твой рисунок просто чудо!

— Я... — Ромка замялся, не предполагая такой реакции от Сашеньки. — Я... смотрел картинки в книге... В энциклопедии живописи... Мне подарили, и как-то сам научился. Вот.

— Ром, ты просто молодец! — лицо Александры Викторовны светилось восхищением, а тот совсем растерялся. — А как ты назвал свою работу?

— Пре... Прекрасная Дама... — он смущённо опустил глаза.

Кое-кто из мальчиков засмеялся. Юлька презрительно хмыкнула.

— Прекратите, пожалуйста, — тихо сказала Александра Викторовна, — Рома нарисовал чудесную картину и по форме, и по содержанию. И нам надо всем стремиться именно к такому пониманию Прекрасного.

Ромка покраснел и ещё ниже опустил глаза.

— Рома, а какой художник у тебя любимый? — вдруг спросила Александра Викторовна.

Застеснявшийся Ромка, собравшись всё же с мыслями, вспомнил энциклопедию, вереницу великих имён, свои любимые картины в галерее и тихо произнёс:

— Дали.

— Дали? — с ноткой удивления в голосе переспросила Александра Викторовна. — И почему он тебе нравится?

— Ну... он... он большой фантазёр, — немного подумав, ответил Ромка.

Юлька опять хмыкнула, продолжая непрерывно жевать жвачку.

— А разве фантазии — это плохо? — в растерянности наивно спросил Ромка.

Все молчали. Лишь взгляд Александры Викторовны — Сашеньки — лучился, как солнце за окнами, тая в себе огромный океан нежности.

На следующем занятии Ромка внимательно наблюдал за Сашенькой и за Юлькой. Он смотрел то на одну, то на другую и пытался понять, какие они — девочки, девушки, женщины. И именно разница между Сашенькой и Юлькой сбивала его с толку и не давала сформировать в голове хоть какое-то понимание этого странного явления, которое банально и грубовато определялось как «женский пол».

Сашенька была такой хрупкой, такой тонкой, причём эта хрупкость и тонкость относи-

лись не только к её внешности, но проистекали прежде всего из её внутреннего мира — это он был хрупок и тонок, как весенний наст. И все её движения, слова, интонации, взгляды — всё имело истоком некую внутреннюю скромность и нежность. Сашенька была озёрной лилией, кувшинкой, качающейся на лоне вод, источающей дурманящее благоухание. Её серо-голубые глаза с поволокой гипнотизировали, обволакивали, погружали в неведомое состояние сладкой тревоги и тревожного покоя.

Юлька же, наоборот, была резкой, как свет фонаря, направленный прямо в глаза. Её широкие плечи, угрюмый и гордый взгляд исподлобья, порывистые движения, короткая стрижка с непокорной чёлкой создавали впечатление затаённой угрозы и готовой излиться агрессии. Она больше напоминала Ромке мальчишку, если бы не начавшие округляться грудки и уже раздавшиеся бёдра. И ещё Юлька красила губы ярко-красной помадой и подводила глаза, чего не делали другие девочки в их группе. Юлька была розой — гордым, царским, шипастым, опасным цветком. Она отталкивала и притягивала одновременно. И пока Ромка не понимал, что лучше — лилия или роза.

После занятия все побежали одеваться. Ромка задержался и, неловко переминаясь с ноги на ногу, смотрел, как Сашенька собирает сумку, расчёсывает роскошные волосы, собранные в хвост на затылке.

Юлька оделась последней; на ходу, шурша серебристым дутым нейлоном дорогой курточки, бросила через плечо «чао-какао» и скрылась за дверью.

Сашенька повернулась, прощаясь с ней, и заметила Ромку.

— Ром, а ты чего не одеваешься?

— Я... — Ромка не знал, что сказать, — я сейчас... Просто я хотел... — слова не шли в голову.

Сашенька внимательно посмотрела на Ромку. Ей нравился этот серьёзный черноволосый вдумчивый мальчик с глазами цвета осенней земли. А ещё он был явно талантлив, но даже не это привлекало в нём Сашеньку. Она чувствовала, что он видит и понимает мир так же, как она. Родственная душа. Такое сейчас редкость.

– Ты, может быть, хотел о чём-то поговорить? – догадалась она.

– Ну да... – Ромка обрадовался, что Сашенька сформулировала то, что подспудно зрело в его душе.

– Ну, давай, садись, – сказала Сашенька и сама присела на краешек стула, опершись локтем на стол.

Ромка сел на соседний стул, не зная, куда девать руки, и наконец додумался сложить их между коленей. Сашенька смотрела на него, по-доброму улыбаясь краешками губ.

– Ну... – начал Ромка. – Я, вообще-то, не то чтобы поговорить... Просто мне надо кому-то рассказать, а родители слушать не станут... им неинтересно скорее всего. В общем, я, когда шёл в субботу сюда, видел разное и не понял...

И Ромка стал рассказывать с самого начала: о том, что родители ругаются непонятно из-за чего, о милиционерах и задержанных ребятах, о красной надписи на стене, о рынке и злых бабках, об умирающем бомже и о том, как дал ему яблоко и показал рисунок Прекрасной Дамы.

По мере Ромкиного повествования Сашенька перестала улыбаться, глаза её затуманились и наполнились тоскливым состраданием.

– И ещё я заметил, что вы иногда кладёте руку на живот, – вдруг неожиданно для самого себя произнёс Ромка, – и тогда вы как будто не здесь. – Сашенька печально и даже немного виновато улыбнулась. – Я знаю, – опустив глаза, сказал Ромка, – у мамы так было, когда она сестрёнку ждала. Это беременность называется, да?

– Да, – чуть помедлив, отозвалась Сашенька.

– Значит, скоро вы от нас уйдёте, – то ли утвердительно, то ли вопросительно подвёл итог Ромка, – когда у меня сестра родилась, мама тоже совсем про нас с папой забыла.

Сашенька долго молчала, не зная, что сказать.

– Ну... Наверно, когда-то всё же придётся, – наконец грустно ответила она, – но я постараюсь как можно дольше оставаться с вами.

– Я картину видел здесь, в галерее, – внезапно вспомнил Ромка, – называется «Боль».

– И?.. Что ты хочешь сказать, Ром?

– Я думаю: много боли как-то в мире, – мед-

ленно и веско произнёс Ромка, потом вздохнул и добавил, глядя в бездонные глаза Сашеньки: – И красота в мире тоже есть.

Затем он встал, застенчиво попросился и вышел из студии, на ходу натягивая курточку. Сашенька ещё долго в задумчивости сидела одна, а когда уходила, бросила взгляд в угол на картину с землистым человеком и острой звездой, и ей показалось, что взгляд человека провожает её, а луч звезды тянется за ней... тянется, тянется...

Занятия в ИЗО продолжались. Ромке интересно было каждый раз узнавать что-то новое, выполнять задания, которые давала Сашенька. А та, особенно после памятного разговора, стала по-другому смотреть на Ромку. Он это чувствовал, смущался, но понимал, что ему приятно внимание Сашеньки. Между ними установилась некая связь – тайна, похожая на окутывающее только их двоих облако, несмотря на присутствие других людей. Ромка в своих тайных фантазиях бродил с Сашенькой по лесным тропинкам, залитым светом закатного солнца, касался её нежной тонкой ладони, смотрел в её туманные глаза-колодцы. Для себя он решил, что она и есть та самая Прекрасная Дама его сердца.

Сашенька же думала о Ромке с какой-то щемящей нежностью в сердце. Но она обрывала себя, ей становилось стыдно. Хотя порой, когда в разгар занятий Сашенька ловила на себе внимательный Ромкин взгляд, ей казалось, что она самая счастливая на свете. И тогда она улыбалась ему в ответ.

Так минула золотая осень. Дожди всё чаще накрывали город серыми простынями, небо казалось низким и тяжёлым, листва почти опала – непогода смыла с неё яркие краски, и теперь только бурые обрывки листьев болтались висельниками на холодном ветру.

Ромка приходил домой после школы, обедал и садился за уроки. ИЗО по выходным теперь отменили, занятия были лишь в будние дни вечером пару раз в неделю. Ромка с нетерпением ждал эти дни – время, когда две Прекрасные Дамы – Живопись и Сашенька – соль-

ются в одно удивительное целое и будут ласкать его своим волшебным светом. Когда занятий не было, Ромка скучнел, ни с кем не разговаривал, лишь сосредоточенно что-то рисовал в блокноте.

Однажды мать заглянула через его плечо на то, что он там рисует, и увидела десятки похожих девичьих лиц в разных ракурсах. Ромка, смутившись, захлопнул блокнот, а мать с тревогой и грустью подумала: «Взрослеет сын...»

Думал Ромка и о Юльке. С каждым занятием она всё более осваивалась в их небольшом коллективе и даже позволяла себе всяческие выходки. Она то обзывала девочек, которые ей не нравились, то цепляла мальчишек, вызывая на конфликт, то просто развязно и грубо вела себя во время занятий. Однажды она довела Сашеньку, нарисовав какую-то непристойность. И когда Сашенька стала выговаривать ей, что так нельзя, Юлька, жуя свою вечную жвачку, заявила: «ИЗО мне на фиг не сдалось. Родаки меня сюда засунули, а я не хотела, мне бокс нравится!» Роза показала шипы, уколов Лилию. Но укол этот болью отозвался в Ромкиной душе. Нельзя сказать, что он ненавидел Юльку в этот момент, он просто не понимал, как можно не любить Сашеньку и то, что она делает, как можно говорить ей плохие слова.

Как-то после занятия, уже сойдя с крыльца, Ромка заметил мелькнувшую за угол знакомую дутую курточку и яркий красный шарф. Юлька почему-то после ИЗО не пошла в сторону дома. Ромке стало любопытно, и он тоже повернул за угол и тут же наткнулся на Юльку. Она стояла, прижавшись спиной к стене дома, держа во рту сигарету, в руке у неё была зажигалка. Ромка ошарашенно уставился на неё.

— Ну? Чего надо? — нагло вато надвинулась на него Юлька.

— Да ничего, — тихо ответил он, — не думал, что ты куришь.

— Индюк тоже думал, что купается, пока вода не закипела! — парировала Юлька. — Чё, может, тоже — за компанию? — она протянула ему пачку.

— Нет, я не курю, — отказался Ромка.

Быстро темнело. Ветер задувал между домами мелкую ледяную крошку. Со стороны две

маленькие фигурки казались заблудившимися альпинистами в глубине ущелья.

— Ещё скажи, что с девчонками не лазишь? — задиристо сказала Юлька.

— Куда лажу? — не понял Ромка.

— Ха! — Юлька выдула струйку дыма, тут же подхваченную ветром. — Гуляешь... в смысле — с девчонками. Сразу видно, что не гуляешь. — Юлька глядела на Ромку сверху вниз. — Хотя ты так на Сашку зыришь — прям огонь! Если б на меня кто так смотрел, я б сразу подумала — влюбился.

— Чего? — растерялся Ромка от такой атаки. — Ты что говоришь? Да ну тебя, дура!

Его обожгло от такой наглости и от пронзившего сердце понимания, что Юлька задела самую тонкую струну его души, озвучив именно то, что он чувствовал на самом деле. Ромка развернулся и вышел из-за угла дома на широкую улицу. Сильный порыв ветра чуть не сбил его с ног, едва не вырвав папку из руки. Ромке вслед сквозь шум ветра летел издевательский Юлькин смех.

Тем же вечером, придя домой с ИЗО, Ромка застал отца и мать разругавшимися в пух и прах. Отец широкими шагами нервно, зло ходил по квартире, резко открывал дверцы шкафов, выгребал оттуда одежду. На диване валялся раскрытый чемодан. Мать кричала ему что-то про неудачника, тряпку, отец сквозь зубы матерился, запихивая вещи в чемодан. Сестрѐнка плакала, уцепившись ручонками за прутья кровати. Наскоро натянув на себя пальто и сунув ноги в ботинки, отец с чемоданом прошёл мимо Ромки, который всё это время так и стоял в куртке, не шелохнувшись. Хлопнула входная дверь. С лестницы раздались удаляющиеся шаги.

Мать ушла на кухню и закрыла за собой дверь. Ромка медленно разделся в прихожей, зайдя в комнату, положил папку на диван, погладил сестрѐнку по голове. Та успокоилась в кровати и уселась среди игрушек. Теперь Ромка направился на кухню.

Мать, согнувшись, сидела на табуретке и беззвучно плакала. Ромка присел рядом на корточки, стал гладить её по колену. Она

подняла на него мокрые глаза и не сразу говорила:

– Похоже... мы теперь будем жить втроём...

А осень потихоньку сдавала свои позиции, уступая суровому натиску зимы. Всё чаще с хмурого неба валил мокрый снег, всё холоднее и пронзительней становились ветры, и наконец пришло время, когда выпавший снег не растаял, а так и остался лежать на мёрзлой земле охлаждающей накидкой. День ото дня его всё прибывало и прибывало. Местный дворник ругался на снегопады, а шапки придорожных сугробов становились всё выше.

Дома у Ромки было холодно и неуютно, и дело было совсем не в перебоях с отоплением, хотя и это случалось. Отец так и не вернулся, а Ромка ждал его каждый день. Мать осунулась, замкнувшись в себе, уделяла время только маленькой дочке и бытовыми делам. Ромка оказался предоставлен сам себе. Для него это не стало особой проблемой, он любил одиночество, но иногда так хотелось человеческого тепла и общения, а его не было – тогда душа Ромки заполнялась сосущей чернильной тоской.

Были просветы радости, когда он ходил на ИЗО, но и там он чувствовал, как всё вокруг неисправимо и тревожно меняется. Сашенька, до этого времени такая живая, улыбчивая, светящаяся, стала всё чаще задумчиво смотреть в окно, рассеянно отвечала на вопросы учеников, опаздывала к началу занятий. Глаза её стали как у затравленного зверька – без искры жизни, без луча надежды. Когда она встречалась взглядом с Ромкой, то, как прежде, улыбалась ему, но теперь эта улыбка выходила у неё вымученной и грустной. Ромка заметил округлившийся Сашенькин живот, она теперь не носила узких обтягивающих вещей, не затягивала талию ремнём, наоборот, надевала что-то свободное.

Зато Юлька почувствовала себя королевой. Её авторитет среди ребят стал непререкаемым, парней она научила курить, девчонок – краситься и теперь верховодила ими, как настоящая атаманша. Иногда она даже пыталась сорвать занятие, но спокойная, тихая реакция пе-

чальной Сашеньки обезоруживала агрессивную Юльку, убавляя в ней пыл, и урок возвращался в привычное русло.

Но в тот день всё пошло наперекосяк...

Сашенька пришла особенно грустная.

– Ребята, – начала она негромким голосом, – давайте порисуем сегодня на вольную тему. Пусть каждый изобразит то, чего он хочет, к чему стремится... свою мечту.

Скрипнула входная дверь, в проёме показалась голова вахтёрши:

– Александра! Тебя к телефону.

– Ребята, вы продолжайте. Я скоро приду. – Сашенька быстрым шагом пошла к выходу.

Юлька тут же оживилась.

– Ну чё, контора, повеселимся! Айда за мной! Бери фломастеры!

Часть ребят охотно вскочила с мест, выполняя приказание Юльки. Пара девочек, потупив глаза, осталась сидеть.

– Ромео, ты с нами? – Юлька зло сверлила взглядом Ромку.

– Нет, – твёрдо ответил он.

– Понятно! – процедила та сквозь зубы. – Слабак, кароч! Пошли, пацаны! – и она повела ребят в подсобку.

Там хранились подрамники, мольберты, алебастровые бюсты и торсы, и даже небольшая статуя – уменьшенная копия «Давида» Микеланджело.

Ромка смотрел на белый лист и думал. Он уже понял, что нарисует сегодня. Это будут двое: хрупкая женщина и обнимающий её мужчина. Прекрасная Дама и оберегающий её Рыцарь. Юлька с пацанами устроили какую-то возню в подсобке, но Ромка, рисуя, совсем не обращал на них внимания. Он не хотел больше скрывать своего отношения к Сашеньке. Сегодня он покажет ей свой рисунок и этим расскажет о своих чувствах – и она, конечно, поймёт.

Раздался шум, гомон – это возвращались Юлька и пацаны. Проходя мимо Ромки, Юлька через плечо заглянула в его лист, рассмеялась и ехидно выдавила:

– Чё, небось себя с Родиной изобразил?

Ромка, увлекшийся, только теперь оторвался от своего рисунка.

Пацаны заржали. Некоторые девчонки тоже, а другие опустили головы. Смутившись, Ромка залился краской. Затем, почти сразу совладав с собой, он в упор посмотрел на Юльку; та, будто принимая вызов, демонстративно уселась на стол рядом с Ромкой, а ноги закинула на стул.

— Не смей так говорить про неё! — выпалил Ромка.

— А то что?.. — язвительно отозвалась Юлька. — Побьёшь меня? Из-за Прекрасной Дамы? Кто такая, вообще, эта Прекрасная Дама, а? Ты хоть в курсе?

— Прекрасная Дама — это... женщина... как принцесса... как... — попробовал объяснить Ромка.

Но Юлька недослушала.

— Ха! Женщина! Ты хоть знаешь, кто такая настоящая женщина? Слышал про Рыжую Социю¹? Вот она настоящая женщина, а не какие-то твои дохленькие «прекрасные дамочки»! Настоящая женщина и любить, и драться умеет, вот!

— Ты тоже драться, похоже, умеешь, — поддел Ромка.

— За себя постоять смогу, — нагло вато заверила Юлька.

— И мальчика сможешь ударить?

— Ещё как! С ними по-другому нельзя!

— А по-моему, — Ромка твёрдо посмотрел в глаза Юльке, — девочки не должны бить мальчиков.

— А по-моему, — Юлька вдруг отвела назад правую руку, — вот так надо...

Хлесткий удар прилетел Ромке в скулу. Голову его мотнуло. От осознания чудовищной несправедливости — не только Юлькиной, но вообще всего, что творится вокруг, — Ромкины глаза наполнились слезами. Вокруг всё поплыло, искажённое лицо Юльки маячило перед ним.

— Дали в морду дали! — зло смеясь, заорал один из пацанов, и другие подхватили, скандируя: — Дали в морду дали! Дали в морду дали!

— Ну, чё, рыцарь? Дашь сдачи? — Юлька с победным видом залезла на стол, сапогом наступив на Ромкин рисунок.

Еле сдерживая слёзы, срывающимся голосом Ромка проговорил:

— Драться ты можешь, а вот любить — нет. Ты никогда не станешь настоящей женщиной!

Тут хлопнула дверь, раздались шаги, затем — вздох удивления. Юлька слезла со стола. Пацаны быстро расселись по местам. Ромка всё ещё затуманенным взором смотрел, как приближается Сашенька, за её спиной он увидел какие-то фигуры. Сморгнув влагу с глаз, Ромка понял, в чём дело: оказывается, пока он был занят рисунком, Юлька с подручными притащила из подсобки в класс «Давида» и несколько алебастровых голов, причем у них были подкрашены губы, пририсованы фломастерами глаза, брови и усы. На «Давида» она напялила свою модную куртку, обмотала его шею цветастым шарфом, а ко рту его прицепила сигарету.

Сашенька с бледным лицом взирала на весь этот погром, не зная, что сказать. Наконец она тихо и жёстко произнесла:

— Я отпускаю всех домой. До Нового года занятий не будет. О начале занятий будет объявлено дополнительно. До свидания! — она отвернулась к стене, скрестив руки на груди.

Ребята молча оделись и потянулись к выходу. Юлька вихлястой походкой подошла к стулу, стянула с неё свою одежду и, бросив фирменное «чао-какао», скрылась за дверью. Только после этого Сашенька тяжело опустилась на стул, плечи её мелко вздрагивали.

Ромка никуда не ушёл. Он смотрел на Сашенькины плечи, на её усталую позу, потом подошёл, присел рядом на корточки и взял её ладонь в свои руки. Сашенька подняла на Ромку заплаканные глаза. Они долго смотрели друг на друга. Потом Сашенька начала сбивчиво рассказывать:

— Меня бросил парень. Поначалу у нас с ним всё было хорошо... Я забеременела. Была так рада. И он вроде тоже. Потом он стал чаще ругаться, что ему не хватает, ну... всякого там не хватает. Исчезать стал — на ночь, потом — на сутки. Выпивать стал часто. Ругаться. Предлагал мне... аборт, — последнее слово Сашенька произнесла шёпотом.

¹ Рыжая Соня — героиня одноименного приключенческого кинофильма (США, Нидерланды, 1985).

Ромка не всё понимал, о чём она говорила, но что значит последнее слово, уже представлял. Он не отпускал руки Сашеньки, чувствуя жар её ладони, и даже мог поклясться, что слышит, как бьётся её сердце.

— А я не хочу аборт. Я хочу, чтобы жизнь была, а не смерть... Любовь, а не ненависть... А только что он позвонил и сказал... — Сашенька всхлипнула, — что ушёл от меня. Совсем ушёл. Осталась только я... только мы...

Ромка не знал, что делать. Сердце его рвалось на части от Сашенькиных слов, от её мучений, но он понимал, что мало чем может ей помочь — только, пожалуй, вот так сидеть рядом, смотреть, гладить её ладонь.

«Сколько же боли в мире! — думал Ромка. — Сколько боли! И она перевешивает, побеждает Красоту... Но почему? Почему у плохих людей всё хорошо, всё у них получается, а хорошие люди страдают и мучаются? Почему всё в мире так устроено? Что я могу со всем этим сделать?»

Сашенька вдруг высвободила свою ладонь из Ромкиных рук, погладила его по мягким волосам, внимательно и как-то по-новому поглядела ему в глаза. И внезапно её лицо метнулось к нему, Ромка от неожиданности закрыл глаза и почувствовал на щеке, рядом с уголком рта, влажное и мягкое трепетанье Сашенькиных губ. Через миг всё кончилось. Ромка открыл глаза. Сашенька с болезненно-нежной улыбкой смотрела на Ромку, а потом сказала:

— Ты очень хороший, Ром. Ты вырастешь и станешь настоящим мужчиной. И обязательно встретишь свою Прекрасную Даму. Что бы там ни говорили разные юльки. Договорились?

— Договорились, — Ромка встал, подумал немного и твёрдо сказал: — И у вас, Алекс... Сашенька, тоже всё будет хорошо!

За окном, на улице начиналась метель. Ветер, завывая, бросал на город всё новые и новые полки суровых снежных воинов. В пустом зале студии сидела Сашенька, думая о своём. Разрисованные статуи пялились на неё из полумрака, человек с землистым лицом страдал снова и снова под острым звёздным лучом.

А по заметённой дороге уже шёл домой Ры-

царь с папкой, в которой лежал рисунок Прекрасной Дамы с грубым отпечатком сапога.

Для Ромки потянулись тоскливые снежные дни. Без ИЗО, без Сашеньки, без смысла. Единственной радостью для него стали уроки рисования в школе, но вскоре наступили новогодние каникулы, уроки прервались, да и, честно говоря, школьной учительнице рисования далеко было до Сашеньки.

Праздновать Новый год поехали на другой конец города, к бабушке. Наряжали ёлку, мама с бабушкой суетились на кухне, намешивая в тазиках салаты, сестрёнка, залиvisto хохоча, бегала меж ними, лупя направо и налево мягкой игрушкой. Мама незло ругалась. Ромке было поручено приносить и расставлять блюда. Бабушка достала наливочки, а Ромке был предложен лимонад.

Он сперва заразился общей атмосферой веселья, но затем, наблюдая, как в телевизоре вытанцовывают на сцене ловкие молодые люди, вспомнил отчего-то про Юльку, а потом мысли сами собой перескочили на Сашеньку. Он подумал: как там она сейчас? одна ли? с кем встречает Новый год? какое у неё настроение? о чём она сейчас думает-переживает?

Остаток вечера Ромка провёл в непонятной печали, всё ему стало неинтересно, и, не дождаввшись двенадцати часов, он ушёл спать. Улёгшись и закрывшись одеялом до подбородка, он смотрел, как тени от деревьев сплетаются на стене в причудливые сети. А потом его накрыло мягкой волной.

Ему снились двое — мужчина и женщина, идущие по узкой тропинке меж золотистых деревьев, а за поворотом их ждёт... Ромка не увидел, что их ждёт там, за неведомым поворотом. Сон внезапно изменился. Деревья потемнели, Ромка увидел, как между высохших, извивающихся, словно змеи, корней сидит человек с землистым заросшим лицом, очень похожим на лицо того бомжа, и хрипит, кашляя: «Кончаюсь я, парень...» А сверху на его голову безжалостно нацелила острый игольчатый луч холодная равнодушная звезда.

На каникулах Ромка заболел. Домашнее лечение не помогло, и его положили в больницу. И опять — скука, серость, бессмысленность, боль. Ромка чувствовал, как болеет не только его тело, но и душа. Она словно надломлена, придавлена какой-то давящей тяжестью. И нет надежды на освобождение.

Выписали его только в феврале. После больницы он сильно похудел, под глазами образовались темные круги, на виске прозрачно билась тонкая синяя жилка. И если раньше он сам по себе был неразговорчив, то сейчас из него даже клещами нельзя было вытянуть и слова.

Мама по-своему переживала Ромкино состояние, делилась с бабушкой, та философски резюмировала про «переходный возраст», а мама вздыхала и говорила, что «лучше бы дрался в школе и грубил, но только б не молчал».

Молчание Ромки не было какой-то обидой на мир или подростковой депрессией, хотя и могло таким показаться на первый взгляд. В молчании этом вызревало внутри Ромки некое осознание, понимание узора тех тонких, но крепких нитей, которые люди называют судьбой, отношениями, взглядом на мир.

Как-то в школе объявили, что возобновляются занятия по ИЗО. Пригласили всех тех, кто уже ходил раньше, а также новеньких на ознакомительную встречу. Ромка летел как на крыльях. Но он жестоко разочаровался, увидев вместо Сашеньки незнакомую грузную женщину. Сославшись на головную боль, он ушёл с занятия. Бродил по галерее, гулко выстукивая ботинками по вытертым деревяшкам пола. Пейзажи, портреты, натюрморты... Реализм, кубизм, сюрреализм... «Рождение мира» и «Боль». Прекрасные художества. Чуть не плача, сам не понимая отчего, Ромка выбежал из помещения и, понурив голову, поплёлся домой.

На ИЗО он больше не ходил. Вернее, «ходил» — для мамы. А на самом деле просто бродил с папкой по Парку Победы, гребя мокрыми ногами ботинок подтаявший снег, вдыхая сырой воздух приближающейся весны, мечтая...

О чём он мечтал? Этого и сам точно не знал. То, чего он хотел, было недостижимо. А ос-

тальное... Остальное ему пока не было нужно. А может, он бродил по этим тропинкам в надежде встретить ту, которой принадлежало его бедное сердце?

Однажды в одну из таких прогулок Ромке вдруг страшно захотелось пойти на ИЗО. Время ещё позволяло: урок должен был идти. Ромка помчался к знакомому дому. Стремительно влетев в галерею, он пронесся мимо картинного разноцветья и, тяжело дыша, отворил дверь.

Ромка не поверил своим глазам. За накрытым столом, на фоне дымящегося чая, разложенных по блюдцам печений и возвышающегося в середине стола нарезанного торта сидела она — Сашенька. Это было чудо! Она встретилась с Ромкой взглядом, и во взгляде этом заиграли солнечные зайчики. А потом эти зайчики прыгнули на края прозрачных кружек, прошлись по вилкам и ложкам и рассыпались золотистой пылью в воздухе. И сиял вокруг Сашеньки этот золотой ореол — то ли настоящий, то ли воображаемый.

Ромка, поздоровавшись, прошёл, Сашенька привстала, чтобы пододвинуть ему стул, и усадила его рядом с собой. Ромка заметил, что живот у Сашеньки значительно увеличился и вообще вся она стала другая... как-то похорошевшая — плавная, округлая, нежная. Нескольких ребят, тоже сидевших за столом, Ромка узнал, но были и новенькие. А Юльки не было.

Сашенька что-то рассказывала, спрашивала, улыбалась. А для Ромки главное было слушать звук её голоса, ощущать её запах — так пахнет трава после дождя, видеть её силуэт — и этого было достаточно.

После чаепития все разошлись, и Ромка с Сашенькой остались одни. Она смотрела на него, а он — на неё. И не было естественней того молчания, которое при этом возникло. Оно не давило, в нём хотелось раствориться. Наверное, это и было тем, что называется «быть самим собой». Наконец в глазах Сашеньки блеснули лукавые искорки, она широко улыбнулась, Ромка улыбнулся следом — и оба по инерции засмеялись. Ромка снова

посмотрел на Сашенькин живот. Она увидела его взгляд.

– Ну вот, как-то так теперь, – весело сказала она, погладив живот ладонью, – говорят, мальчик будет. А ты как, Ром?

Ромка подумал и сказал то, что, наверное, нужно было сказать сейчас, а Сашеньке – услышать:

– У меня всё хорошо. Я всегда буду помнить вас, ваши уроки, наши разговоры. И я никогда не брошу рисовать. И у вас тоже всё будет хорошо! Я знаю!

– Спасибо, Ром, – просто ответила Сашенька, – ты на самом деле очень мне дорог, ты мне очень много дал, хотя, быть может, и сам этого не понимаешь. И я надеюсь, что мы с тобой когда-нибудь обязательно ещё встретимся. Ведь правда?

– Конечно, правда! – на душе у Ромки вдруг стало легко и светло, как и за окном.

Мартовское солнце опять стелило жёлтые прямоугольники по полу, сквозь оконные стёкла ярко синели квадраты небес с белоснежными пятнами облаков.

– Пойдём, проводишь меня до выхода, – сказала Сашенька.

Они вышли из галереи. Ромка помог Сашеньке надеть пальто. Сашенька, серьёзно, улыбаясь одними лишь глазами, произнесла

«мерси». Ромка отворил перед ней дверь. Они вышли на крыльцо.

– Ну, удачи, Ромка! – Сашенька протянула ему руку.

Ромка взял Сашенькину ладонь, перевернув, осторожно поцеловал. А затем, глядя в её глаза небесного цвета, сказал:

– Удачи, Сашенька!

Она спустилась по ступенькам и немного неловко пошла по рыхлому талому снегу. А Ромка смотрел, как уходит за неизвестный поворот Сашенька Родина, его Прекрасная Дамма, и желал ей счастья – только его.

Потом Ромка зашёл в галерею, подошёл к картине с землистым человеком и острой звездой. Он долго стоял возле неё, и мысли его сменяли одна другую: «Да, в мире много боли, много несправедливости, много несчастья. Но всё же в мире есть Красота, которая выше всего этого, и в ней – настоящая правда!»

Потом он повернулся к разноцветной картине и в сгустившейся вдруг тишине громко произнёс её название: «РОЖДЕНИЕ МИРА!»

Евгений Александрович ПАВЛОВ

родился в 1976 г. в городе Набережные Челны,

живет в Кирове (Вятка).

Учился на историческом факультете ВятГГУ.

Пишет стихи, прозу.

Автор сборника стихов «Утро пятницы».

Печатался в журналах «Вятка литературная»,

«Ротонда», «Аргамак».

Член ЛиТО «Молодость».

Лауреат областной премии А. Грина в номинации «Дебют».

В журнале «Север» публикуется впервые.

